

М. П. Погодин

Николай Михайлович Карамзин

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. П. Погодин**
Николай Михайлович Карамзин: Часть 2 / М. П. Погодин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 538 с.

ISBN 978-5-458-00901-0

Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями.

ISBN 978-5-458-00901-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА VII.

1803—1810.

Происхождение мысли писать Русскую Исторію, и степени ея развитія. Историческія статьи: Воспоминанія на пути къ Троицѣ.—О предметахъ для художествъ въ Русской Исторіи.—О тайной канцеляріи.—О Московскомъ мятежѣ при царѣ Алексѣѣ Мих. и проч.—Марса посадница.—Разговоръ съ Дмитриевымъ о желаніи писать Исторію.—Советъ его и Письмо М. Н. Муравьеву.—Карамзинъ — Исторіографъ. — Почему онъ не обратился къ Шлецеру.—Отношеніе Карамзина къ его задачѣ. Состояніе Русской Исторіи.—Первые руководители.—Приступъ къ работамъ.—Его жилище въ Остафьевѣ.—Образъ жизни.—Первый отчетъ Муравьеву.—Послѣдующіе успѣхи.— Особенности талантовъ Карамзина.—Находки.—Приготовительныя замѣтки.—А. Тургеневъ, исполнитель порученій.—Письмо къ Новосильцеву.—Находка Волинской лѣтописи въ 1809 г. и доказательства.—Радость.—Мнѣніе о критическихъ работахъ.—Въ психологіи Карамзина.—Прищѣры, какъ овладѣлъ онъ своимъ предметомъ.

Мысль писать Русскую Исторію зародилась въ Карамзинѣ очень рано; кажется, что она принадлежитъ къ числу самыхъ первыхъ, юношескихъ его предположеній.

Въ письмѣ изъ Парижа, въ Маѣ 1790 года, о засѣданіи Французской Академіи, по поводу Лавоуазьева чтенія, онъ выражаетъ такія мнѣнія о Русской Исторіи, которыя ясно доказываютъ, что онъ питалъ уже тайное желаніе писать ее, носилъ въ душѣ темный идеалъ ея, думалъ объ ней, и думалъ не теперь, по поводу встрѣчи съ Лавоуазье, а прежде, въ Москвѣ, посѣщая лекціи Университета, работая въ Новиковскомъ обществѣ, бесѣдуя съ друзьями. Многое, сказанное въ то время, было такъ сильно напечатлѣно

въ душѣ его, что повторилось еще само собою, такъ сказать, черезъ 25 лѣтъ, въ предисловіи къ написанной уже Исторіи.

«Больно, но должно по справедливости сказать», пишетъ Карамзинъ изъ Парижа, «что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи; то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужеземцевъ.—Родословная князей, ихъ ссоры, междуусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отиѣнныхъ людей, происшествія, дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Барль великій—Владимиръ, свой Людовикъ XI—Царь Іоаннъ, свой Бромвель—Годуновъ, и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій.—Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества: его то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело».

Читая Парижское письмо, видишь, что писавшій молодой человѣкъ, 23 лѣтъ, имѣетъ темное предчувствіе о своемъ будущемъ назначеніи.

Въ первыхъ повѣстяхъ Карамзина, въ бѣдной Лизѣ и Натальѣ, боярской дочери, (1792), опытный глазъ подмѣтитъ

черты, признаки расположенія къ старинѣ, занятій историческихъ. Тамъ въ вступленіи къ *блѣдной Лизѣ* Карамзинъ говоритъ: «иногда на вратахъ (Симоновскаго) храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся—тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами,—тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти Исторію нашего отечества, — печальную Исторію тѣхъ временъ, когда свирѣбные Татары и Поляки огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда несчастная Москва, — какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ».

Въ вступленіи къ *Натальѣ, боярской дочери*, это расположеніе выразилось еще яснѣе. «Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, то есть говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно истлѣвшихъ вязовъ искать бородатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Русскаго, и съ нѣжностію цѣловать руки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтеннаго правнука, не могутъ наговориться со мною. Такимъ образомъ, (конечно понятнымъ для всѣхъ читателей), старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ и проч.»

Наконецъ, въ прощаніи съ публикою, при заключеніи Московскаго журнала (1793), неопредѣленное гаданіе получаетъ видъ уже твердаго намѣренія, хотя въ далекомъ будущемъ:

...«Буду учиться», сказалъ Карамзинъ, «буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ *приняться за такой трудъ*, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства, (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей».

Ясно, что Карамзинъ, думая со временемъ писать Исторію, ознакомился изподволь съ ея задачею, читалъ, что къ ней относится, и мысль объ ней никогда его не оставляла.

(Замѣтимъ, что по совершеніи Исторіи, въ предсмертномъ письмѣ своемъ къ графу Каподистріи, Карамзинъ выразился положительнѣе: «даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ; если же нѣтъ, то нѣтъ»).

Въ 1797 г. въ записной книжкѣ Карамзина отмѣчено: *Юня 12*. «Если Провидѣніе пощадитъ меня; если не случится того, что для меня ужаснѣе смерти... (?) займусь Исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманіемъ и дѣлать выписки, а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха.»

Въ Маѣ, 1800 года Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву вотъ ужъ какъ: «я по уши влѣзь въ Русскую Исторію: силю и вижу Никона съ Несторомъ.»

Въ одѣ на коронацію Императора Александра въ Мартѣ 1801, онъ восклицаетъ торжественно:

Я въ храмъ Исторіи иду,
И тамъ дѣла твои найду.

А въ примѣчаніи сказано: авторъ занимается Русскою Исторіей.

Вѣстникъ Европы Карамзинъ начинаетъ издавать съ 1802 года, съ цѣлію между прочимъ наработать столько, чтобъ черезъ пять-шесть лѣтъ предаться Исторіи.

Отъ 6 Юля, 1803 г., писалъ онъ брату: ... «Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій — за Русскую Исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше.»

Такъ же объяснялъ онъ предпріятіе издавать Вѣстникъ Европы и въ письмѣ къ М. Н. Муравьеву, см. ниже, с. 17.

Въ Вѣстникѣ Европы, въ продолженіи 1802 и 1803 годовъ, мы встрѣчаемъ рядъ статей историческаго содержанія, которыя свидѣтельствуютъ о хорошемъ знакомствѣ автора съ источниками Русской Исторіи и съ ея изслѣдователями, съ важнѣйшими сочиненіями и съ иностранными путешественниками. Онъ вѣрно изображаетъ главныхъ дѣятелей, и замѣчаетъ ошибки другихъ ученыхъ.

Пройдемъ ихъ по порядку.

Первое мѣсто между ними занимаютъ:

Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Трошцѣ. Это одна изъ самыхъ счастливыхъ статей Карамзина, которая сдѣлалась общимъ достояніемъ, оживила дорогу всѣмъ извѣстную, возбудила участіе къ разнымъ историческимъ вопросамъ. Главное лице, на которое Карамзинъ привлекъ общее вниманіе, это былъ Борисъ Годуновъ. Карамзинъ выставилъ ярко его достоинства, и заставилъ усомниться въ его преступленіяхъ, преимущественно въ главномъ: убіеніи царевича Дмитрія.

«Отъ того что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны: но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго.» (1,479)

... «Умный историкъ долженъ рассказывать такіе анекдоты, (свиданіе Іоанна съ Вассіаномъ Топорковымъ), ибо они

любопытны, и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣеть еще и другую обязанность: разсуждать и сказки отличать отъ истины.» (485).

...«Подлѣ Успенскаго собора вросла въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: царь Борисъ, супруга его, сынъ Феодоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаеть людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Если бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Русскому патриоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семь злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію челоуѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнѣмъ бѣдствіямъ, и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго роду святынею; и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяеть лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепель мертвыхъ не имѣеть заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо, и читающихъ гробовую надпись. Что, если мы клеветаемъ на сей пепель; если несправедливо терзаемъ память челоуѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтописи безсмысломъ или враждою?... Но я пишу теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею святаго Дмитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.» (486).

...«Всякій, кто знаетъ Исторію отечества, кто умѣеть цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочеть

видѣть эту обширную палатку; устремить на нее глава съ любопытствомъ; скажетъ: вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе! и примолвитъ: Богъ судить тайныя злодѣянія, а мы должны хвалить царей за все, что они дѣлаютъ для славы и блага отечества!» (496).

Представивъ прекрасное обозрѣніе его царствованія, какого еще не бывало, и заключивъ появленіемъ самозванца, Карамзинъ восклицаетъ: «Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольно число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя историкъ судить безъ свидѣтелей, хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожь истина всегда зараниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пепелъ — и тогда происшествіе объясняется.» (496).

Описаніе горы Волкуши передъ Лаврою, на которой Карамзинъ вообразилъ живо ополченіе Пожарскаго, шедшаго освободить Москву отъ Поляковъ, и благословеніе воиновъ архимандритомъ Діонисіемъ, показываетъ ясно историческое настроеніе Карамзина. Кто, въ это время, способенъ былъ писать или даже задумывать подобныя картины!

Такъ точно и во второй статьѣ своей: *О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ*, Карамзинъ старается прежде всего возбудить вниманіе къ Русской Исторіи.

«Мысль задавать художникамъ,» пишетъ онъ къ г. NN., «предметы изъ отечественной Исторіи, достойна вашего патриотизма, и есть лучшій способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ, и явить

тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Русскому всего ближе и любезнѣе прославлять Русское, въ то время когда Монархъ и самое Провидѣніе зовутъ насъ къ истинному народному величію. Должно приучить Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце. Не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами патриотизма. Если историческій характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человѣка, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или незанимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ.» (111, 552).

Изъ слѣдующихъ словъ Карамзина, мы видимъ, что онъ хорошо знакомъ съ Норманнами, — и съ Рюрикомъ, и съ Олегомъ, и съ Ольгою.

«Никто изъ древнихъ князей» говоритъ онъ, «не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Святославъ.... Сей герой любезенъ намъ и потому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Русскихъ князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ Славянъ.» Карамзинъ называетъ его Суворовымъ древней Россіи. (556).

«Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патриотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и чувство.....

Во Владимирѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Русскомъ отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и говорить о дѣлахъ предковъ, радуется мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолубіе возрастаетъ въ Россіи съ новыми поволабніями!.... А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному влиянію *взгляну* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романтическимъ патриотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Русское еще любезнѣе и дороже!» (565).

Въ статьѣ «*О тайной канцеляріи*,» Барамзинъ задѣлъ Шлецера, — («иностранный профессоръ Русской Исторіи!!»). Опровергая его мнѣніе объ основаніи этого страшнаго судилища Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, онъ говоритъ: «могъ ли г. Шлецеръ, ученый критикъ и страстный любитель нашей Исторіи неусомниться въ истинѣ такого случая? Если и словесная критика важна въ исторіи, философическая еще важнѣе.» (419). И потомъ: «гдѣ же страхъ, произведенный тайной канцеляріей. Гдѣ онѣмнѣніе гѣтописцевъ? спрашиваемъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ стр. 59 — и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности Исторіи Русской.»

Какъ мѣтко опредѣляетъ Барамзинъ характеры нашихъ старыхъ царей: «Алексѣй Михайловичъ», говоритъ онъ, «не

казнилъ и не душилъ бояръ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя.» (1,420).

Какъ вѣрно описываетъ Барамзинъ нашихъ лѣтописателей: «Лѣтописцы наши не Тациты: не судили государей; рассказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестяще — воинскіе успѣхи, знакъ набожности и проч. Левъ не развѣвалъ челюстей за такими исторіями, и самый ужасный царь Иванъ Васильевичъ могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славный бояринъ Курбской не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойный мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ вѣрное, но едва вѣроятное изображеніе государя своего. — Однакомъ мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ — и когда время Петра Великаго, и строгія, взятія имъ мѣры противъ монаховъ, отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, Исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ» (424).

... «Я чувствую великія дѣла Петровы и думаю: счастливы предки наши, которые были ихъ свидѣтелями! однакомъ не завидую ихъ счастью! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ поливаютъ землю не кровію, а водою для произведенія овощей и салата» (425).

Статья о *Марѣ Посадницѣ* изъ житія св. Зосимы показываетъ, что Барамзинъ знакомился уже и съ этими источниками Русской Исторіи. Въ заключеніе онъ выражаетъ желаніе, чтобъ когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи или достойныхъ сей чести. «Въ разсужденіи древности